

ПОЛИТИКА

Т.А.Воротникова

Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение

В статье анализируются институциональные основы и история выдвижения на авансцену политических процессов Движения к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) в Боливии — одной из наиболее заметных и успешных левых партий на современном политическом ландшафте латиноамериканского региона. За три десятилетия своего развития *MAS* прошло путь взлетов и падений, которые рассмотрены сквозь призму электорального процесса и увязаны с особенностями организационной структуры и идеологической платформы партии.

Ключевые слова: Боливия, Движение к социализму, Эво Моралес, левая идеология.

DOI: 10.31857/S0044748X0012671-7

Статья поступила в редакцию 23.10.2020.

Выдвижение левых сил в государственные институты стран Латинской Америки в начале XXI в. поставило перед учеными задачу изучения программной специфики и факторов электорального успеха этих сил. Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) в Боливии можно назвать одним из наиболее заметных и эффективных примеров левых партий на современном политическом ландшафте региона. *MAS* управляло страной непрерывно на протяжении почти полутора десятков лет. Его лидер Эво Моралес Айма трижды выигрывал президентские выборы (в 2005 г., в 2009 г. и в 2014 г.), побеждая в первом туре голосования со значительным перевесом (54%, 64% и 61% народной поддержки). Помимо этого в 2008 г. был проведен референдум о доверии Э.Моралесу, результаты которого подтвердили легитимность президента. Сталкиваясь с внутренними поли-

Татьяна Александровна Воротникова — кандидат политических наук, Ученый секретарь Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, vorotnikovat@yandex.ru).

Финансирование: Российский научный фонд (РНФ), проект №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

тическими кризисами, региональными протестами и поляризацией элит, боливийское правительство смогло достичь национального консенсуса, обеспечить беспрецедентный экономический рост (в среднем около 5% годовых) и поддерживать социально-политическую стабильность в стране. Партия сумела справиться с натиском социальных волнений в октябрь-ноябре 2019 г., вызванных несогласием с подсчетом голосов на президентских выборах и вынужденной отставкой Моралеса. *MAS* извлекло уроки из осеннего (или весеннего для Боливии) кризиса и вышло на выборы в октябре 2020 г. с обновленной стратегией, доказав способность к активным политическим действиям. Его возвращение во власть и победа Луиса Арсе Катакору* подтверждают актуальность и значимость изучения указанных выше процессов для понимания резервов и перспектив нового правительства.

В западной политической науке, прежде всего в странах самой Латинской Америки, проблематике современного политического развития Боливии уделено большое внимание. Ее различные аспекты детально проработаны в исследованиях Фернандо Молины (Боливия) [1], Рафаэля Арчондо (Боливия) [2], Пабло Стефанони (Аргентина) [3], Джеффри Веббера (Канада — Великобритания) [4], Эрве До Алто (Франция) [5] и многих других ученых. В российской историографии деятельность *MAS* рассмотрена в работах Андрея Аркадьевича Щелчкова [6]. В 2015 г. Институт всеобщей истории РАН выпустил фундаментальный труд «История Боливии с древнейших времен до начала XXI века» [7], в котором показаны политические процессы, происходящие в стране, в их историческом развитии. Тем не менее актуализация общественно-политической повестки требует постановки новых вопросов для исследования.

Цель данной работы заключается в выявлении характерных особенностей *MAS* в контексте таких измерений, как история электорального успеха партии на политической сцене страны, композиционная структура и механизмы кооптации ее членов, а также концептуальные и доктринальные рамки. В этом контексте важно рассмотреть исторический контекст формирования концепции «политического инструмента» общественных движений, пришедшего на смену традиционным инструментам политического участия. Отдельного внимания требует анализ внутренней партийной организации, благодаря которой был создан широкий фронт народной поддержки. Представляется, что принципиальное значение имеет определение институциональных и политико-идеологических основ *MAS*, в границах которых осуществлялась политика правительства Моралеса.

ТРАЕКТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ *MAS*

Феномен «боливийского синдикализма» и его особая роль в государственном строительстве определяли специфику политического процесса в стране с середины XX в. После создания Боливийского рабочего центра (*Central Obrera Boliviana, COB*) на гребне революции в 1952 г. фактически

* Выборы состоялись 18 октября 2020 г. при явке в 87%. Кандидат от *MAS* Луис Арсе Катакору получил 55,1% голосов избирателей, его основной соперник от правого центра Карлос Меса Хисберт — 28,83%, лидер правого альянса Фернандо Камачо Вака — 14%.

сложилась ситуация двоевластия, при которой профсоюзы являлись важнейшим элементом принятия решений наряду с исполнительной властью. История борьбы профсоюзов доказала их право играть решающую роль в политической жизни страны как структуры, обладающей одной из наиболее организованных и консолидированных позиций в регионе. *COB* объединял практически все трудовые коллективы Боливии и был способен мобилизовать около 1,5 млн человек. Ни одно правительство страны после 1952 г. не могло проводить свою политику, игнорируя волю профсоюзов [8, с. 108]. В условиях неразвитости политической системы и слабости партийного представительства только профсоюзы были способны путем всеобщей забастовки консолидировать трудящихся в общенациональном масштабе и стать выразителем политических интересов широких слоев населения.

Руководящую роль в революционном процессе и управлении народным хозяйством боливийские левые признавали именно за *COB*. Даже при том, что левому движению в Боливии были присущи многопартийность, идеологическая путаница и организационная раздробленность, многочисленные левые партии и группировки сделали профсоюзы главной ареной своей деятельности [8, с. 111]. Постоянная внутренняя борьба за методы и формы революционной практики между синдикалистами, левыми националистами, троцкистами, ультралевыми и коммунистами обнажила необходимость кардинальных перемен в теоретическом развитии и неизбежность структурных изменений.

В середине 1980-х годов боливийское левое движение переживало драматичный момент своей истории. К «кризису доверия» со стороны средних слоев добавилось размывание промышленного пролетариата, происходившее под натиском неолиберального курса правительства Виктора Паса Эстенсоро (1985—1989 гг.) по ограничению государственного регулирования, приватизации госсектора и перестройке экономической структуры. Реорганизация государственной горнорудной компании *Corporación Minera de Bolivia (COMIBOL)* привела к увольнению 23 тыс. горняков [9]. Профсоюзы сильно ослабли, *COB* фактически утратил свои позиции и перестал быть объединяющим звеном. Для достижения единства левого фронта страны требовались серьезное обновление политической повестки и поиск новых организационных форм.

Солидаризируясь с движением рабочих, в 1970-х годах стало набирать силу крестьянское движение. В нем начали принимать активное участие индейские активисты, занимавшиеся до этого в основном культурно-просветительской деятельностью и ликвидацией неграмотности в общинах. В 1982 г. состоялась общенациональная забастовка, которая продемонстрировала готовность крестьян к организованным выступлениям с движением как социально-экономических, так и политических требований не только на местах, но и в национальном масштабе [8, с. 96].

На этом фоне в конце 1980-х годов лидеры крестьянских профсоюзов департамента Кочабамба начали реформировать местное движение с целью выработки собственной политической платформы. Э.Моралес Айма был одним из тех, кто выступил за создание политического крыла движения производителей коки — кокалерос, — представлявших мощную социальную силу в провинции. В условиях кризиса партийных структур распро-

странение получила идея создания «политического инструмента» как альтернативы традиционным формам представительства, который бы исполнял роль посредника между политическими институтами и крестьянскими профсоюзами, при этом являясь их органической частью [3, pp. 271-272].

На VII конгрессе (25-27 марта 1995 г.) Национального союза крестьян (*Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia, CSUTCB*) было принято решение о создании Ассамблеи за суверенитет народов (*Asamblea Por la Soberanía de los Pueblos, ASP*). Тем не менее, Национальный избирательный суд Боливии (аналог ЦИК) использовал незначительные нарушения, чтобы отклонить регистрацию *ASP*. Тогда на муниципальных выборах 1995 г. крестьянские лидеры выступили в составе партии Объединенные левые (*Izquierda Unida, IU*). Результаты оказались внушительными: они заняли 11 кресел глав муниципалитетов, 49 кандидатов были избраны в городской совет и 6 — в совет департамента Кочабамба [10]. А уже на всеобщих выборах 1997 г. под флагом *IU-ASP* кокалерос получили 4 места в национальном парламенте. Однако через два года, перед выборами 1999 г., *ASP* раскололась. Лидер шести Федераций тропиков Кочабамбы Моралес выдвинулся от новой структуры — Политического инструмента за суверенитет народов (*Instrumento Político por la Soberanía de los Pueblos, IPSP*). Но снова столкнувшись с отказом в регистрации, он был вынужден избираться по списку существовавшей с 1987 г. небольшой партии *MAS*. Как отмечает английский исследователь Свен Хартен, первый электоральный эксперимент обновленного движения на муниципальных выборах 1999 г. был относительно успешным: 79 членов городских советов и 10 мэров. Около 70% бюллетеней были поданы за *MAS* в Кочабамбе, в то время как на национальном уровне партия получила чуть более 3% голосов избирателей [10].

Следует отметить, что боливийская политическая система 80—90-х годов XX столетия строилась на либерально-демократической основе, но имела свою специфику. С принятием «Пакта во имя демократии» в 1985 г. в Боливии установилась так называемая пактовая демократия. По действовавшему тогда законодательству, если ни один из кандидатов не набирал на выборах более 50% голосов избирателей, второй тур проводился в Национальном конгрессе между двумя лидерами. Президентом становился тот, кто получал простое большинство в обеих палатах парламента. На практике это приводило к тому, что президенты избирались в результате межпартийных сговоров, кулуарных союзов и временных коалиций.

Смена власти происходила в рамках трех ведущих политических партий страны, к тому времени не имевших четких идеологических границ и представлявших умеренный центр. Некоторым изменениям способствовали конституционная реформа 1994 г. и избирательный закон 1996 г., направленные на увеличение репрезентативности и доступ малых партий в Национальный конгресс. Однако, как правило, представители этих партий примыкали к коалициям, создаваемым партиями-тяжеловесами. При таком раскладе мнение населения играло опосредованную роль, что ставило под сомнение легитимность власти: так, на выборах 1997 г. Уго Бансер получил лишь 22% голосов избирателей [11], но поддержка пяти партий в конгрессе обеспечила ему президентское кресло.

Схожая стратегия политической элиты обеспечила в 2002 г. победу на президентских выборах Гонсало Санчеса де Лосады, набравшего 22,5% голосов. Его основной противник Моралес, зарекомендовавший себя как харизматичный профсоюзный лидер и борец за права коренного населения и кокалерос, уступил лишь 1,5% бюллетеней [12]. Однако в конгрессе за Лосаду было подано 84 голоса против 43 за Моралеса [13], что создало впечатление «украденной у народа победы» и настроило оппозицию на решительный рывок.

Распределение парламентских кресел обозначило новую тенденцию. Оно показало традиционный успех партий-тяжеловесов на востоке, тогда как в западных районах их начали вытеснять новые крестьянские и трудовые объединения. Лосаду поддержали в экономически развитом Санта-Круссе, Чукисаке и боливийской Амазонии — Бени и Пандо. Моралес был поддержан жителями высокогорных индейских департаментов. Наибольшее число голосов он получил в Кочабамбе, Оруро, Потоси и Ла-Пасе. На этих выборах *MAS* и Индейское движение Пачакутик (*Movimiento Indígena Pachakuti, MIP*) стали весьма заметными левыми силами. Обе позиционировали себя как «индейские» и находились в роли внесистемной оппозиции при том, что их лидерам — Эво Моралесу и Фелипе Киспе — удавалось усидеть «на двух стульях»: с одной стороны, они возглавляли уличный протест, с другой — заседали в парламенте. *MAS* заняло второе место из 12 партий, набрав беспрецедентный для индейского движения процент — 20,94% [12]. Движение получило 8 мест в верхней палате парламента и 27 — в нижней. Впервые почти одну треть депутатского корпуса составили представители коренных индейских народов.

В декабре 2004 г. состоялись муниципальные выборы, которые подтвердили существенные перемены, произошедшие в политических предпочтениях населения. Традиционные партии потерпели сокрушительное поражение, впервые ни одной из них не удалось завоевать лидерство. Победа осталась за сторонниками *MAS*, которые в целом по стране набрали около 17% голосов [14, р. 40]. Присутствие представителей движения Моралеса в списках в большинстве муниципалитетов и результаты на местах показали высокий уровень поддержки *MAS* не только как партии, выдвинувшей своего кандидата в президенты, но и как силы, предложившей собственный политический проект для всего общества. На этих выборах прежняя система партийных коалиций фактически была разрушена.

Одним из важных критериев интереса к президентским выборам 2005 г. является явка 84,5% граждан; что выше, чем на всех предыдущих голосованиях. Выборы завершились триумфом Моралеса, завоевавшего 53,7% голосов. За него проголосовали 1 млн 544 тыс. 374 человека. Его главный оппонент Хорхе Кирога финишировал вторым с результатом 28,6%, тогда как ни один из остальных кандидатов не набрал больше 8% [15]. Впервые, с тех пор как Боливия вернулась к демократии, президент был избран посредством прямого всенародного голосования.

Что касается распределения парламентских мест, то, кроме того, что *MAS* получило большое преимущество по партийным спискам, выборы довольно успешно завершились и для кандидатов-одномандатников, идущих под его знаменами. Теперь движение контролировало 55% мест (72 из

130) в палате депутатов, хотя и не получило большинства в сенате (12 из 27). Как и на предыдущих выборах, Моралеса поддержали в западных высокогорных районах, в которых проживают индейцы кечуа и аймара, — провинциях Ла-Пас, Кочабамба, Оруро и Потоси. Однако, судя по итогам избирательного процесса, доверие к лидеру *MAS* возросло во всех регионах страны [16]. Показательно, что в Ла-Пасе Моралес обошел Кирогу на 40 пунктов, тогда как последний выиграл лишь 8,5 пунктов у будущего президента в Санта-Крус — самом оппозиционном к *MAS* департаменте.

Всеобщие президентские выборы 2005 г. прошли в условиях коллапса партийной системы страны. Из основных партий периода 1980—2002 гг. только одна выставила своих кандидатов. Избрание Моралеса простым большинством голосов и провал традиционных партий свидетельствовали о становлении новой архитектуры власти. Существенно возросло влияние местных организаций и движений, роль «политического инструмента», которую взяло на себя *MAS*. Победа Моралеса стала кульминацией этой стратегии и ознаменовала переход *MAS* из статуса внеинституциональной оппозиции к партии власти*.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА *MAS*

Описанная выше особенность политической системы и слабость законодательной и исполнительной властей порождали ощущение разорванности между государством и обществом, незаинтересованности депутатов в решении насущных проблем простых граждан и в потере доверия к принципам представительной демократии. Неспособность политических партий предъявлять конкретные требования к структурам и лицам, принимающим решения, привела к спонтанному образованию и широкому распространению так называемых гражданских комитетов — организаций, формулирующих и подающих свои требования непосредственно к исполнительной власти, минуя представительские механизмы [17, р. 29]. Усиление влияния и значимости низовых организаций стало основой для создания прочной архитектуры *MAS*. В отличие от традиционных политических партий *MAS* формировалось на базе социальных движений, что позволяло ему добиваться поставленных целей в условиях институционального кризиса и падения авторитета партий.

* В дальнейшем *MAS* побеждало во всех четырех избирательных компаниях, включая непризнанные результаты выборов 2019 г. Расклад сил, сложившийся в Многонациональной законодательной ассамблее в 2010—2014 гг., отражал полное доминирование *MAS* на законодательном поле: 88 мест из 130 в палате депутатов и 26 из 36 в сенате, оппозиция была представлена тремя партиями в нижней палате и одной партией — в верхней. В созыве 2015—2019 гг. за *MAS* было закреплено 88 мест депутатских и 25 сенаторских кресел, Фронт национального единства (*Frente de Unidad Nacional, UN*) получил, соответственно, 32 и 9, Христианско-демократическая партия (*Partido Demócrata Cristiano*) — 10 и 2 места. В 2019 г. *MAS* утратило ряд мест — до 67 и 21, соответственно. По итогам выборов 2020 г. места распределились следующим образом: в нижней палате *MAS* имеет 75 мест, Гражданское сообщество (*Comunidad Ciudadana*) — 39, «Мы верим» (*Creemos*) — 16; в верхней палате, соответственно — 21, 11, 4 места.

В определенной степени *MAS* пошло по пути партии Националистического революционного движения (*Movimiento Nacionalista Revolucionario, MNR*)*, в 1950-е годы ставившей целью формирование однопартийного «революционного» режима. Однако, как отмечает российский историк А.А.Щелчков, тогда *MNR* не удалось создать единую и эффективную систему базовых организаций. В первую очередь этому помешала гетерогенность партийных структур. Одни районные комитеты формировались по территориальному принципу, куда входили представители среднего класса, другие создавались и полностью контролировались рабочими профсоюзами. Из-за идейных разногласий и конфликтов на местах партия не смогла выйти за рамки простого союза между различными политическими и общественными группами [7, с. 482]. *MAS* попыталось преодолеть этот базовый недостаток, сделав ставку на прочное взаимодействие между центром и общественными движениями.

Особенностью *MAS* является довольно сложная иерархическая конструкция, характерная для партий национального масштаба с разветвленной сетью подведомственных отделений. Главным новшеством стало то, что *MAS* не являлось организационным ядром общественного движения, а — напротив — было частью общественного движения. Как уже говорилось, *MAS* создавалось как «политический инструмент» и изначально воспринималось как структура, функционирующая параллельно с федерациями профсоюзов, которая подчинялась Координационному комитету — высшему органу в профсоюзе производителей коки.

Именно культура участия определяла внутреннюю работу *MAS* и отличала эту политическую организацию от других. Низовые структуры играли первостепенную роль и участвовали в процессе принятия решений. Принцип участия, как и в социальном движении, обеспечивался за счет широкого обсуждения и принятия общих решений, что сыграло огромную роль в определении идеологических и программных приоритетов *MAS* [18]. Однако при отсутствии структурных механизмов по его реализации совещательный принцип заменялся неформальными договоренностями.

Описанная выше система работы *MAS* была актуальна в течение первых десяти лет его существования как инструмента, выражавшего интересы кокалерос на политической арене. Примерно до середины 2004 г. движение управлялось так же, как Федерация производителей коки, и имело ту же организационную культуру. С 2004 г. руководство *MAS* приступило к процессу институционализации собственных партийных структур, в результате чего партия обрела относительную автономность. В ее состав входили множе-

* *MNR*, созданная в 1941 г., сыграла ведущую роль в революционных событиях 1952—1953 гг. и постреволюционном развитии Боливии. Партия обладала широкой социальной базой, включавшей буржуазию, средние слои, часть рабочих и крестьянство. Она относилась к типу национал-реформистских партий и представляла собой народно-националистическое движение. Политика *MNR* характеризовалась проведением буржуазно-демократических преобразований, осуществлением масштабной аграрной реформы, национализацией собственности крупных горнодобывающих предприятий, введением всеобщего избирательного права и реформированием системы образования.

ство комиссий, созданных на национальном, департаментском и местном уровнях с целью разработки конкретных программных предложений. В рамках стратегии по укреплению своего влияния *MAS* создавало альянсы с различными общественными организациями по всей стране. Интенсивность и характер этих связей были неодинаковы в отношении различных движений и не всегда были выражены настолько ярко, как в случае профсоюзов производителей коки. Иногда сотрудничество ограничивалось тем, что партия гарантировала локальной организации место в избирательном списке *MAS*, давая право вести избирательную кампанию от своего имени [10].

Решающим моментом организационных изменений стало решение «открыть» избирательные списки на муниципальных выборах 2004 г. и передать контроль над отбором кандидатов местным организациям. За этим решением стояло намерение привлечь новые кадры, которые не ассоциировались бы только с селянами или индейцами, и могли бы представлять более широкие слои общества. При этом руководство *MAS* никак не контролировало тех, кто входил в эти списки даже на решающих всеобщих выборах в 2005 года.

Идея открыть двери партии, чтобы привлечь максимальное количество союзников имела и свои недостатки. Подавляющее большинство проблем было связано с отсутствием механизма контроля за процессом регистрации новых членов (например, один из кандидатов одновременно выдвинулся в депутаты от *MAS* и от другой партии) [10]. Союзы выстраивались на основе близости политических платформ, что в более широком смысле сформировало идею программных действий в интересах всех разочаровавшихся в неолиберальной политической и экономической модели. Другими словами, *MAS* двигалось по пути от представления интересов конкретной группы к формулированию широкого спектра требований, которые выдвигали не только крестьяне и коренные народы, но и городские слои населения (транспортники, шахтеры, учителя, молодежь, госслужащие низшего звена). Помимо этого *MAS* предложило альтернативу средним слоям, симпатизирующим левоцентристской идеологии.

В решающий период с середины 2004 и до конца 2005 г. федерации производителей коки потеряли большую часть своего структурного представительства, так как открытость *MAS* способствовала постановке других приоритетов и выдвижению новых лидеров. Постепенно это привело к концентрации власти в руках Национального совета, состоявшего примерно из десяти человек, среди которых были Эво Моралес, Альваро Гарсиа Линера, Иван Ипорре, Хуан Рамон Кинтана, Хулио Салазар [10]. Национальный совет принимал большинство стратегических решений и координировал партийную деятельность. Другой влиятельной силой стала Национальная политическая комиссия, которая в основном координировала и одобряла программную работу других комиссий на национальном или субнациональном уровнях. Присутствие низовых структур обеспечивалось через представителей.

С 2005 г. был принят ряд мер по институционализации партийной структуры, обеспечивший большую независимость руководства *MAS* от общественных движений. Одновременно происходило укрепление личного авторитета и концентрация власти в руках Моралеса [5]. Цель состояла в том, чтобы сохранить децентрализованную структуру со значительным влиянием низовых орга-

низаций, но обеспечить более эффективную и скоординированную работу по выработке программных предложений. Это требовало объединения вокруг сильного организационного ядра, которое могло бы руководить всеми комиссиями и союзными организациями путем создания механизмов структурированного и скоординированного участия. Стабильность системы поддерживалась путем балансирования между динамикой снизу и жесткой координацией сверху, что в организационном плане поставило *MAS* в уникальное положение — между политической партией и общественным движением.

Решение *COB* нарушить традиционную независимость и вступить в союз с политическим руководством страны создало новый прецедент, что способствовало тому, что в течение десяти лет между властью и профсоюзами были гармоничные и прочные отношения. Но накопившиеся за годы разногласия вылились в конфликт, который стал следствием закрытия четырех предприятий государственной текстильной компании *Enatex*, созданной четырьмя годами ранее в условиях ухода американской корпорации из боливийского текстильного рынка*. Правительство настаивало на экономической нерентабельности и высокой эксплуатационной стоимости заводов, с чем были не согласны профсоюзы, вставшие на защиту текстильного сектора. Трехдневная национальная забастовка, проведенная профсоюзами в мае 2016 г., стала первой серьезной размовкой между правительством и *COB* [19] и показала, что *MAS* как организационная структура начала терять способность осуществлять контроль за тем, что происходит внутри партии.

Конфронтация ознаменовала начало нового этапа в партнерстве *COB* и *MAS* в изменившихся условиях, отличных от тех, которые преобладали с момента прихода к власти. Дальнейшее отдаление бывших союзников ослабило влияние центра. Партия, воспринимаемая как «власть представителей общественных движений» [6], была эффективна только в прочной связке с корпоративно организованной частью общества, которую обеспечивали профсоюзы. Потеря этой связи означала потерю управляемости. В кризисный момент 2019 г. *COB* выступили на стороне оппозиции, призвав Моралеса к отставке и тем самым сыграв одну из решающих ролей в смещении *MAS* [20].

Несмотря на консолидацию партийного аппарата, *MAS* не достигло того уровня институционализации, которого добивались другие партии, возникавшие из общественных движений. Низовые структуры *MAS* продолжали действовать в соответствии с прежней логикой, что объясняло крайнюю чувствительность партии к тому, что происходило в сфере социальных движений [5]. По-видимому, поиск новых основ для внутреннего единства станет одной из главных задач современной *MAS*, стоящей перед необходимостью обеспечения социальной стабильности в поляризованном боливийском обществе [21].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ *MAS*

Гетерогенность и многоуровневость *MAS* связаны не только с внутренней организационной структурой движения, но и с особенностями ее идео-

* После приостановки Соединенными Штатами Америки Андского закона о содействии торговле и искоренении наркотиков в декабре 2008 г. предусматривающего компенсационные льготы за контроль над незаконным оборотом наркотиков.

логического наполнения. В научной литературе дан подробный анализ идеологических основ режима Моралеса с разных точек зрения [22, 6, 24]. Здесь имеет смысл остановиться лишь на некоторых моментах, важных с точки зрения композиционной специфики.

Контуры будущей политической программы правительства Моралеса были очерчены во времена уличной борьбы начала 2000-х годов [4]. Список требований, который вошел в историю как «Октябрьская повестка» (2003 г.), включал в себя несколько основных пунктов, среди которых были: созыв революционного Учредительного собрания; радикальное перераспределение земли и богатств; национализация углеводородной промышленности; отказ от экспорта газа в США; общественный контроль за использованием природных ресурсов. Ключевыми принципами стали антиглобализм, антиимпериализм, социальная справедливость, экономический суверенитет и партисипативная демократия. Понятие «культурное наследие», уважение к коренным народам и реставрация национальной идеи на основе индейской идентичности были цементирующими элементами программы [25].

Указанные принципы свидетельствуют о наличии эклектичных представлений различных групп и направлений с самыми разными идеологическими установками. В интегрированном виде они вошли в уставные документы *MAS* и сводились к следующему:

- отстаивание единства трудящихся, крестьян и коренных народов, единства города и деревни, единства боливийского народа; в соответствии с 1 ст. Конституции декларировалась приверженность принципам мультиэтничности, составляющей основу боливийской нации;
- уважение самобытности, обычаев и традиций различных культур коренных народов и этнических групп, составляющих боливийское общество;
- гарантии соблюдения политической Конституции государства и прав человека;
- обеспечение защиты природных ресурсов, национального наследия, территории и окружающей среды как важнейших факторов национального суверенитета;
- защита демократии, профсоюзных, индейских, общественных и социальных организаций в соответствии с интересами национального большинства [26].

Индихенистский блок был представлен радикальным крылом лидеров, преимущественно индейцами-аймара, использовавшими этнические и культурные смыслы в качестве базисных элементов политической самоидентификации. Среди основных деятелей, артикулирующих эту тенденцию, — бывший министр иностранных дел и избранный вице-президент Дэвид Чокеуанка. Индихенисты в первую очередь выдвигали идеи, содержавшие призыв к возрождению и реконструкции исконного индейского мира, защите окружающей среды и жизни в гармонии с природой [27]. Эти идеи находили широкий отклик у индейского большинства — в первую очередь у представителей народов кечуа и аймара, проживающих в андских районах страны, которые составляли наиболее лояльную и твердую электоральную базу партии. Опираясь на катаристскую политическую традицию и используя социальные движения в качестве каналов политической

деятельности, *MAS* поставило этническую принадлежность в центр агрегирования политических предпочтений [28].

Второй блок представляли сторонники государственного планирования, усиления вмешательства государства в экономику и быстрой индустриализации, что отвечало интересам городских и средних слоев, выступавших за модернизацию страны. В руководстве партии их представляли бывший вице-президент Альваро Гарсиа Линера и занимавший ранее пост министра экономики Луис Арсе Катакора, который приступил к исполнению обязанностей нового главы государства в 2020 году.

В основу идеологической платформы режима легло сочетание левых идей с этнической спецификой страны [2]. Одной из главных причин конфликтности в боливийском обществе считалась экономическая зависимость от государств «коллективного Запада». Индейские народы рассматривались в качестве ведущей силы по борьбе с империализмом, а *MAS* — как инструмент их самоопределения.

В экономической политике был взят курс на централизацию и этатизацию экономики с последующим перераспределением бюджетных средств на социальные нужды. Антикапиталистический дискурс «старых левых» был заменен на антинеолиберальную программу, где основной акцент делался на критике приватизации и борьбе против транснационального капитала. В отличие от того, что предлагали радикальные левые, полной экспроприации частных корпораций не предполагалось. В партии было достигнуто согласие относительно необходимости усиления контроля над добычей и использованием природных ресурсов и пересмотра действовавших контрактов с основными инвесторами, а также повышения налоговых ставок и тарифов. Именно на этой основе в 2006 г. правительство осуществило третью в истории страны национализацию (первая в 1936 г., вторая в 1969 г.). Новый Закон об углеводородах был призван нести социальную функцию и обеспечивал перераспределение доходов от отрасли на здравоохранение, образование, поддержку коренных народов и развитие инфраструктуры.

Еще одно направление представляли синдикалисты. Его ядром стали крестьянские кооперативы и аграрные союзы, которые изменили соотношение в *COB*, где традиционно превалировали горняки, в свою пользу, обеспечив голоса сельских избирателей. Организациям, структурированным вокруг крестьянства, удалось взять на себя руководство боливийским народным движением [29]. В попытке объединить доминанту андско-амазонского мировоззрения коренных народов и социалистические идеи всеобщего равенства государство позиционировалось как «Родина для всех». По историческим причинам боливийскому обществу присущи коллективные формы организации, что отвечало идеологической и институциональной структуре *MAS* [1]. Политический аппарат должен был сгладить противоречия между различными левыми силами, привлечь на свою сторону представителей прогрессивной интеллигенции и средние городские слои.

Ключевой и символичной в данной схеме являлась фигура президента-харизматика. Моралес в свою очередь активно использовал политический символизм как основу пропаганды. Государственный лидер и чиновники принимали участие в церемониальных практиках коренных народов. Соци-

альные программы носили имена исторических героев. А первый боливийский космический спутник неслучайно был назван в честь легендарного боливийского предводителя восстания против колонизаторов Тапака Катарри. Интересная деталь: в отличие от традиционного красного цвета, который принят в левой среде и является признанным для многих коммунистических и социалистических партий во всем мире, *MAS* оставило первоначальные цвета — синий, черный и белый [26]. Хотя такая символика досталась Моралесу от партии-предшественницы (о чем упоминалось выше), в определенном смысле она подчеркивает интегральный характер идеологической композиции движения.

Определить идеологическую платформу партии *MAS* как единую концепцию довольно сложно. Однако она сумела сплотить левые силы страны и предложить альтернативный проект государственного развития в поле электоральной демократии. Политический режим, выстроенный Моралесом, совместил черты левого прогрессизма, социал-реформизма и государственного десарролизма под общим знаменателем народного национализма, в котором традиционная для Боливии структура синдикализма сочеталась с идеями культурного и исторического возрождения индейской идентичности.

Продолжающаяся эпоха *MAS* высветила отличительную черту современной боливийской демократической модели — сохранение многопартийности при единоличном доминировании «политического инструмента», балансирующего между национальной партией и общественным движением. Безусловно, этому способствовала особая внутренняя структура *MAS*, которая заметно отличалась от традиционных форм партийной организации существенно большей децентрализацией, влиянием неформальных механизмов взаимодействия и расширением участия членов партии в процессе принятия решений. Выдвинув пеструю, но консолидированную программную платформу, движение фактически воплотило чаяния тех, кто в эпоху становления современной боливийской демократии стремился к объединению разношерстных левых сил в единый широкий левый фронт, способный привлечь на свою сторону большинство избирателей и обеспечить проведение социально ориентированных реформ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Molina F. ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? Las fortalezas del MAS en la construcción de un Nuevo orden. *Nueva Sociedad*, 2013, N 245.
2. Archondo R. ¿Qué le espera a Bolivia con Evo Morales? *Nueva Sociedad*, 2006, № 202. Available at: <https://nuso.org/articulo/que-le-espera-a-bolivia-con-evo-morales/> (accessed 23.09.2020).
3. Stefanoni P. Las nuevas fronteras de la democracia boliviana. *Nómadas*. Universidad Central, Colombia, 2005, N22, pp. 269-278.
4. Webber J. Carlos Mesa, Evo Morales, and a Divided Bolivia (2003—2005). *Latin American Perspectives*, 2010, Issue 172, Vol. 37, N 3, pp. 51-70. DOI: 10.1177/0094582X10364033
5. Do Alto H. El MAS-IPSP boliviano, entre movimiento social y partido político. *Análisis Político*, 2008, VI.21, N62, pp. 25-43.
6. Щелчков А.А. Кризис латиноамериканских левых режимов: боливийская драма. *Свободная мысль*, М., 2020, № 1, сс. 93-106. [Shchelchkov A.A. 2020. Krizis latinoamerikanskikh levyykh rezhimov: boliviiskaya drama [The crisis of Latin American leftist regimes: Bolivian drama]. *Svobodnaya mysl'*, Moscow, 2020, N 1, pp. 93–106 (In Russ).
7. История Боливии с древнейших времен до начала XXI века. Отв. ред. Е.А. Ларин, А.А. Щелчков. М., Наука, 2015, 699 с. [Istoriya Bolivii s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. Moscow, 2015, 699 p. (In Russ).

XXI veka [History of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. Moscow, 2015, Nauka, 699 p. (In Russ).

8. Боливия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., Наука, 1990, 224 с. [Boliviya: tendencii jekonomicheskogo i social'no-politicheskogo razvitiya [Bolivia: tendencies of economic and sociopolitical development]. Moscow, Nauka, 1990, 224 p. (In Russ).

9. Historia de la COMIBOL. Available at: <http://www.comibol.gob.bo/index.php/institucional/historia-de-la-comibol> (accessed 12.01.2021).

10. Harten S. ¿Hacia un partido “tradicional”? Un análisis del cambio organizativo interno en el Movimiento Al Socialismo (MAS) en Bolivia. Nuevo Mundo, 2007. Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/4468#tocto1n2> (accessed 12.06.2020).

11. Base de Datos Políticos de las Américas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 1997. *Presidential Elections 1997*. Georgetown University y Organización de Estados Americanos. Available at: <https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/el971.html> (accessed 09.06.2020).

12. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2002. Primera Vuelta. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: <https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres02.html> (accessed 09.06.2020).

13. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2002. Segunda Vuelta. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: <https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres02B.html> (accessed 09.06.2020).

14. Romero Ballivián S. En la bifurcación del camino. Análisis de resultados de las Elecciones Municipales 2004. La Paz, 2005, 119 p.

15. Political Database of the Americas. Bolivia: Elecciones Presidenciales de 2005. Georgetown University and the Organization of American States. Available at: <https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Bolivia/pres05.html> (accessed 23.05.2020).

16. Romero Ballivián S. Análisis de la elección presidencial de 2005 en Bolivia. *América Latina Hoy*, N 43, 2006, pp. 31-61.

17. Salazar E. Las elecciones bolivianas de 2002: los límites del reformismo institucional. *Revista mexicana de sociología*, 2004, Vol. 66, N 1, pp. 23-56.

18. Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz, Fundación Ebert, 2009, 346 p.

19. Nueva etapa en la relación COB-Gobierno. *Correo del Sur*. 10.07.2016. Available at: https://correodelsur.com/opinion/20160710_nueva-etapa-en-la-relacion-cob-gobierno.html (accessed 16.10.2020).

20. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур. *Латинская Америка*, 2020, № 1, сс. 22-32. [Chernyshev A.L. Postelectoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, N 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ).

21. Воротникова Т.А. Боливия перед выбором: возможна ли консолидация «разделенного общества»? *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, М., 2020, № 2, сс. 142-163. [Vorotnikova T.A. Boliviya pered vyborom: vozmozhna li konsolidaciya «razdelen'nogo obshhestva»? [Bolivia at a crossroads: is consolidation of a 'divided society' feasible?] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, Moscow, 2020, N 2, pp. 142-163. (In Russ).

22. Воротникова Т.А. Левая политическая мысль в современной Боливии. *Латиноамериканский исторический альманах*, М., 2019, т. 1, № 23, сс.185-199. [Vorotnikova T.A. Levaya politicheskaya mysl' v sovremennoi Bolivii [Left political thought in modern Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, Moscow, 2019, Vol. 1, no. 23, pp. 185–199. (In Russ). DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199. (In Russ.) DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199

23. Щелчков А.А. Левая альтернатива неолиберализму: культурная и демократическая революция в Боливии в начале XXI века. *Латиноамериканской исторический альманах*, 2016, № 17, сс.192-240. [Shchelchikov A.A. Levaya al'ternativa neoliberalizmu: kul'turnaja i demokraticeskaja revolyucija v Bolivii v nachale XXI veka [The left alternative to neoliberalism: the cultural and democratic revolution in Bolivia]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, 2016, N 17, pp.192–240. (In Russ).

24. Webber J. Evo Morales and the political economy of passive revolution in Bolivia, 2006–15. *Third World Quarterly*, 2016 Vol. 37, N 10, pp.1855–1876.

25. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов. *Латинская Америка*. М., 2019, № 8, сс. 6-12. [Ivanovskij Z.V. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii. Social'naya panorama i dinamika politicheskikh processov [Latin America in the new millennium. Social panorama and dynamics of political processes]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2019. N 8, pp. 6-12 (In Russ). DOI: 10.31857/S0044748X0005576-2
26. Movimiento al Socialismo. Estatuto Orgánico o Carta Fundamental Available at: <https://reformaspoliticas.files.wordpress.com/2015/03/boliviaestatutoorganicomas-2005.pdf> (accessed 13.09.2020).
27. Шинкаренко А.А. Латинская Америка через призму экологической геополитики. Немного об истории вопроса. *Латиноамериканский исторический альманах*, М., 2020, № 28, сс. 207-236. [Shinkarenko A.A. Latinskaya Amerika cherez prizmu ekologicheskoy geopolitiki. Nemnogo ob istorii voprosa [Latin America through the prism of environmental geopolitics. A little about the history of the issue]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, 2020, N 28, pp. 207-236. (In Russ). DOI: 10.32608/2305-8773-2020-28-1-207-236
28. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, disgregación y clivajes étnicos. *Política y gobierno*, 2018, Vol. 25, N 1, pp. 65-100.
29. Do Alto H. Un partido campesino en el poder. Una mirada sociológica del MAS boliviano. *Nueva Sociedad*, 2011, N 234. Available at: <https://nuso.org/articulo/un-partido-campesino-en-el-poder-una-mirada-sociologica-del-mas-boliviano/> (accessed 04.10.2020).

Tatiana A.Vorotnikova (vorotnikovat@yandex.ru)

PhD in Political Science, Academic secretary of Institute of Latin American Studies of Russian Academy of Sciences

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Movimiento al Socialismo in Bolivia: trajectory, composition, ideology

Abstract. The article reports an analysis of the institutional foundations and historical overview for the Movimiento al Socialismo (MAS) in Bolivia that is one of the most prominent and successful left parties in the modern political landscape of Latin American region. During three decades of its development, MAS has gone through a path of ups and downs, which are considered through the prism of the electoral process and are related to the specificity of organizational structure and ideological platform of the party.

Key words: Bolivia, Movimiento al Socialismo, MAS, Evo Morales, left ideology.

DOI: 10.31857/S0044748X0012671-7

Received 23.10.2020.